

Константин Годунов, Рауф Шумяков
«Политическая культура — одна из базовых вещей...»
(Интервью с Б. И. Колоницким)

"Political culture is one of essential things..."
(Interview with Boris Kolonitskii)

Годунов Константин Валерьевич

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Россия, Санкт-Петербург
kostyagodunov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1253-3886

Шумяков Рауф Артурович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Россия, Санкт-Петербург
rshumyakov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0003-6748-0408

Godunov Konstantin V.

European University
at Saint Petersburg,
Russia, Saint Petersburg
kostyagodunov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1253-3886

Shumyakov Rauf A.

European University
at Saint Petersburg,
Russia, Saint Petersburg
rshumyakov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0003-6748-0408

Аннотация. Публикация интервью с Борисом Ивановичем Колоницким — историком Российской революции 1917 г., профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН — приурочена к его семидесятилетнему юбилею. Борис Иванович рассказывает о своей семье, учебе в педагогическом институте им. А. И. Герцена, службе в армии и работе в Публичной библиотеке; вспоминает о своих учителях, друзьях и коллегах, и о том, как, начав с изучения Английской революции XVII в., решил стать историком революции Российской; повествует о появлении интереса к политической культуре и о том, какую роль в его профессиональном становлении сыграли перестройка и работа за границей. В заключение Б. И. Колоницкий делится мыслями о пользе и вреде «интеллектуальных запоев» и своими творческими планами. Интервью предваряет блок из трех эссе, в которых И. В. Нарский, В. Б. Аксенов и В. В. Журавлев рассуждают о книгах юбилея: «Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года» (2001); «"Трагическая эротика": образы императорской

Abstract. The publication of an interview with Boris Ivanovich Kolonitskii, a historian of the Russian Revolution of 1917, Professor at the European University in Saint Petersburg, and Leading Research Fellow at the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, is timed to coincide with his seventieth birthday. Boris Ivanovich talks about his family, his studies at the A. I. Herzen Pedagogical Institute, his military service, and his work at the Public Library; he recalls his teachers, friends, and colleagues, and how, having started with studying the English Revolution of the 17th century, he decided to become a historian of the Russian Revolution; he talks about the emergence of an interest in political culture and the role that Perestroika and work abroad played in his professional development. In conclusion, Boris Kolonitskii shares his thoughts on the benefits and harms of 'intellectual binges' and shares his creative plans. The interview is preceded by a block of three essays in which Igor Narskii, Vladislav Aksekov, and Vadim Zhuravlev discusses the books of the jubilee: "Symbols of Power and the Struggle for Power: Towards a Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917" (2001); "Tragic Erotica": Images

семьи в годы Первой мировой войны» (2010); «"Товарищ Керенский": антимонархическая революция и формирование культа "вождя народа" (март — июнь 1917 года)» (2017).

Ключевые слова: Борис Колоницкий, политическая культура, политические символы, Российская революция, Александр Керенский, культ вождя.

Для цитирования. Годунов К. В., Шумяков Р. А. «Политическая культура — одна из базовых вещей...» (Интервью с Б. И. Колоницким) // Культурная история. 2025. № 1. С. 97–124.

DOI: 10.33280/3034-3216.2025.39.58.003

of the Imperial Family during the First World War" (2010); 'Comrade Kerensky: The Revolution Against the Monarchy and the Formation of the Cult of the Leader of the People (March–June 1917)' (2017).

Keywords: Boris Kolonitskii, political culture; political symbols, Russian revolution, Alexander Kerensky, cult of the leader.

For Citation. Godunov K. V., Shumyakov R. A. "Political culture is one of essential things..." (Interview with Boris Kolonitskii), in: *Cultural History*. 2025. No. 1. P. 97–124.

DOI: 10.33280/3034-3216.2025.39.58.003

Юбилеи крупных ученых дают возможность поразмышлять о путях развития научных направлений, подумать о постановке новых интересных и важных исследовательских вопросов.

Начав с подготовки списка литературы, статей и докладов на конференциях, перейдя затем к написанию глав в коллективной монографии, Борис Иванович посвятил отдельную монографию теме, с которой в историографии неизменно ассоциируется его имя — политической культуре Российской революции 1917 г. Исследование на конкретном материале показало, что, изучая власть, историки не должны ограничиваться анализом государства и его институтов, больших текстов и великих идеологий. Эта и другие работы Б. И. Колоницкого соединили политическую, культурную и социальную историю. Конкретные сюжеты — политическая печать, борьба вокруг политических символов, слухи, культ революционного вождя — исследователь связал со стержневыми проблемами истории «эпохи войн и революций». Это позволило совершенно по-новому посмотреть на историю Российской революции — тему, казалось бы, досконально исследованную.

Блок открывается интервью с Б. И. Колоницким. Оно дает некоторое представление о научном пути историка: читатели узнают, чем полезны «интеллектуальные запои», какие факторы оказали влияние на профессиональное становление историка, почему молодой исследователь, занимавшийся Английской революцией XVII в., решил заняться историей революции Российской.

Признанные специалисты в области изучения этой переломной эпохи: И. В. Нарский, В. Б. Аксенов, В. В. Журавлев, — подготовили эссе, основываясь на важнейших исследованиях Б. И. Колоницкого. Как справедливо замечает И. В. Нарский, «эвристический потенциал [работ Бориса Ивановича] не исчерпан и, кажется, даже не вполне оценен». Мы надеемся, что публи-

куемые тексты станут одним из очередных, но далеко не последних шагов на пути такого осмысления.

«Загадку революции необходимо было разгадать»¹, — так Борис Иванович вспоминает о любопытстве, которое подтолкнуло его начать исследование таинственного и страшного времени. Несколько десятилетий спустя и Б. И. Колоницкий, и его ученики могут повторить эту фразу. Книги Бориса Ивановича провоцируют новые (в том числе — коллективные) исследовательские проекты. Изучение Российской революции продолжается...

Интервью с Борисом Ивановичем Колоницким

Рауф Шумяков (далее — РШ): Расскажите о Вашей семье.

Борис Колоницкий (далее — БК): Мой отец — инженер, моя мать — тоже инженер. Я, вообще, обитатель Дзержинского района Петербурга, где мы сейчас и находимся. Сейчас он носит, конечно, другое название. Но и мои родители тоже здесь родились и ходили в школы неподалеку. Про семью можно рассказывать очень долго, но я хочу сказать о тех семейных факторах, которые повлияли на мое профессиональное становление. Первый фактор — домашняя библиотека, где было много книг с разным подбором: там были подписные издания, которые мой отец покупал в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Были книги по истории. И довольно рано отец подсадил меня на чтение энциклопедий, так что мое образование отчасти можно назвать «энциклопедическим», потому что на каком-то этапе я думал: «Чего я пойду в эту школу, что я там, в этой школе, не видел?» Я решал прогулять школу, сидел у окна уютненько, рядом с большой полкой, там стояло первое издание «Большой советской энциклопедии», она сильно на меня повлияла. Статьи на «Б», как Вы помните, там есть и статья «Бухарин», фактически это он сам про себя пишет, ну а в последующих томах это все уже не так. Уже само это противоречие несколько

---

1 *Kolonitskii B. On Studying the 1917 Revolution: Autobiographical Confessions and Historiographical Predictions // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. No. 4. P. 752.*

воспитывало и подталкивало. Ну и какие-то другие книги, которые были в домашней библиотеке.

РШ: Какие книги Вам запомнились?

БК: Если говорить о книгах, которые повлияли на мой профессиональный выбор, то, конечно, большим культурным шоком для советского школьника был Джон Рид, «Десять дней, которые потрясли мир»². И нужно сказать, что потом, когда я заставлял студентов читать эту книгу, а я преподавал с 77 года, они тоже были несколько потрясены, то есть для таких «советских душ» это было очень сильно. Кроме Джона Рида Тарле стоял на полке, «История советской дипломатии» 1940-х гг., «История XIX века» Лависса и Рамбо... Это один фактор.

Второй фактор — то, что мне рассказывали в семье. Рассказывали не всё, о каких-то вещах я узнал значительно позже. Допустим, о том, что мой любимый дядюшка сидел 5 лет в лагерях, я узнал уже в эпоху перестройки... О каких-то семейных событиях я узнал раньше, какие-то эпизоды запомнились, и все это несколько корректировало мои представления о школьном курсе советской истории. Так, например, один мой дед, одессит, в годы Первой мировой войны был прапорщиком, хотя и не воевал. Он вступил в социал-демократическую группу, что-то вроде интернационалистов, и немножко мне рассказывал о ситуации в Одессе во время гражданской войны. И потом, когда я читал воспоминания Шульгина, некоторые рассказы подтверждались, только, так сказать, с другой стороны. А второй мой дед — тоже из прапорщиков Первой мировой войны. Он был крестьянский парень из Витебской губернии, закончил накануне войны курсы телеграфистов и пошел добровольцем в армию — отчасти потому, что это давало выбор рода войск... Он служил сапером, был ранен, контужен и отравлен газами, но все-таки выжил. Будь он в пехоте, шансов выжить было бы еще меньше... И про Первую мировую войну я немножко от него выслушал.

РШ: А что он вспоминал, рассказывая о Первой мировой войне?

Константин Годунов (далее — КГ): Кто это сказал: «Полковник как полковник» — про императора?

БК: Это он сказал. Дед был на царском смотре под Двинском, когда император проходил мимо войск. Я был очень возбужден,

---

2 Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. (1-е рус. изд. — М., 1923.)

когда он это рассказывал, я спросил: «Ну, и какой он был, царь, император?» Он пожал плечами и сказал: «Полковник как полковник», — то есть большого уважения он так и не изъявил. Этот мой дед стал потом кадровым офицером Красной армии, встречался с Фрунзе, Ворошиловым, Крыленко и кончил полковником в начале 1950-х гг. Это тоже на меня оказывало влияние. Вот, если говорить о семье и о влиянии семьи на мои исторические занятия.

РШ: Где-то я встречал, что Вы участвовали во Фрунзенской коммуне. Можете подробнее рассказать?

БК: Ну, это очень интересно... Но, конечно, трудно это все описать. Сначала это был общественно-педагогический эксперимент, навеянный настроениями XX съезда. Возникло такое самоуправляющееся сообщество пионеров сначала. Основали это люди, которые честно верили в советскую педагогику, но потом все менялось. У Дарьи Димке в книжке это подробнее описано³. Я отмечу, что, во-первых, это была очень творческая организация, и, во-вторых, там я получил наиболее эффективный опыт самоуправления, который испытывал в своей жизни.

КГ: Вы учились в педагогическом институте Герцена, который готовил по большей части школьных учителей. Вы уже тогда планировали стать профессиональным исследователем?

БК: По обстоятельствам того времени я не мог попасть в университет. Отчасти потому, что ребят-евреев туда не брали или брали очень ограниченно (я еврей по матери). Как-то до меня донесли мысль о том, что у меня нет шансов. Это было довольно грустно, потому что я очень хотел этого: я дважды прослушал подготовительные курсы, очень серьезно готовился к вступительным экзаменам... Оставался Герценовский — туда я и поступил. После института я, в принципе, готов был пойти в школу, но мечтал поступить в аспирантуру.

КГ: Кто из преподавателей института Вам запомнился?

БК: Ну были звезды: Владимир Ильич Райцес, Руслан Григорьевич Скрынников. С Владимиром Ильичем у нас были хорошие отношения, и даже какую-то свою книжку про Жанну д'Арк он мне подарил с автографом. Но вот курсов он нам

3 Димке Д. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М., 2021.

не читал, семинар в нашей группе не вел. А Руслан Григорьевич вел занятия, и это было очень полезно во многих отношениях. И он даже звал меня к себе, чтобы я занимался его сюжетами, но мне было интересно другое...

Я очень благодарен Генриху Марковичу Дейчу. Он работал на кафедре истории СССР, очень много для меня сделал, да и для всех ребят. Он был очень добрый, хороший человек и очень азартный ученый. Его выгнали из вуза за то, что у него оказались американские родственники, которых он захотел навестить. Навестил — и вылетел из Герценовского института. Он ученик Сигизмунда Натановича Валка, был прекрасным знатоком РГИА (тогда — ЦГИА СССР), какое-то время там работал... И вот на пенсии Генрих Маркович Дейч, зная хорошо архив и читая биографию Пушкина, предполагал, что где-то вот здесь должна быть какая-то бумага, касающаяся Пушкина. Он находил эту точку, переворачивал несколько десятков дел, — и несколько неизвестных документов Пушкина он так просто, из спортивного интереса, нашел.

Помимо этого, Дейч занимался ленинианой. И на своем курсе он каждому давал задание составить биобиблиографическую справку на кого-то из адресатов ленинской переписки, используя справочный аппарат и другие доступные ресурсы. И это было очень полезно с точки зрения развития навыка источниковой эвристики. Я писал про Раймонда Робинса, возглавлявшего экспедицию американского Красного Креста в России в 1917 г., ввиду того что я, по сравнению с другими, неплохо владел английским языком. Потом Раймонд Робинс мне пригодился, — он появляется в моей кандидатской диссертации.

То есть Генрих Маркович был такой источниковый человек, настоящий представитель петербургской школы. Он потом эмигрировал, я его в Америке навещал несколько раз.

Но два самых ярких преподавателя — это, наверное, Юрий Васильевич Егоров и Валентин Михайлович Алексеев. Это совершенно замечательные люди. Юрий Васильевич Егоров был специалистом по Франции. Свою диссертацию он посвятил Народному фронту⁴. Но тут такая грустная вещь: о масштабе

4 Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции, 1934–1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.

личности и профессиональном уровне советских историков нельзя судить по их книгам. Люди, как правило, были больше, чем их книги, понимаете? Из-за внешней цензуры и самоцензуры они не полностью выражались в своих книгах. На Западе человек, как мне кажется, более равен своей книге. Я думаю: «Книжка такая замечательная, а уж встречу человека, уж он вообще, разговоримся...» Но человек равен своей книге, то есть книга отличная, человек отличный, но они себе равны. А у нас очень много примеров, когда совершенно блестящие люди, лекторы и исследователи, не выразились полностью в своих книгах. Тексты их менее интересны, чем они сами... А лектор Юрий Васильевич был совершенно блестящий: импровизатор, замечательно говорил, актер очень хороший, знал европейские языки, и добрый человек, много сделавший для меня, но и не только для меня, его все прекрасно вспоминают. Мы слушали его лекции по Новейшей истории и совершенно не ощущали себя провинциалами, это был очень хороший, мировой уровень преподавания.

А Валентин Михайлович Алексеев — человек совершенно иного типа. Его биография, насколько мне известно (возможно, по слухам), такая. Он из старой большевистской рабочей семьи. Видимо, его родители в большую политику не лезли и оттого пережили репрессии. Он подростком пережил блокаду, работал на заводе. Потом поступил в университет. Ну, человек из такой семьи, с такой биографией, из рабочих — казалось, все пути открыты. Он занимался Чехией XVII века, книгу написал⁵. Но в 1956 г., когда в Венгрии произошли известные события, он на партийном собрании сказал, что «в Венгрии настоящая рабочая революция, и мы сделали ошибку». Было такое время, сейчас в это трудно поверить, что я застал изрядное количество честных коммунистов, которые во все это всерьез верили. И он вылетел, естественно. Но так как относились к нему в профессии, наверное, хорошо, он сумел вернуться в профессию. Но интересы его поменялись кардинально, он стал крупнейшим специалистом по истории Центральной и Юго-Восточной Европы. В институте Герцена он не читал у нас обязательных

---

5 Алексеев В. М. Тридцатилетняя война: Пособие для учителей. Л., 1961.

курсов, только факультативы. Иногда я все занятия прогуливал и шел только на этот факультатив. Ребята идут веселые из института, а я, как дурак, иду в институт слушать лекции Валентина Михайловича Алексеева. И это было совершенно замечательно, потому что он обладал фантастической эрудицией, прилично знал европейские языки, и, может быть, разве что албанского не знал. И это был удивительно откровенный разговор: можно было спрашивать что угодно, и он отвечал спокойно, но очень и очень откровенно. Я даже думал иногда: «Где я нахожусь?», — потому что во мне самоцензор сидел очень крепко. А он говорил не стесняясь! И грустно, что Валентин Михайлович тоже не проявился полностью в своих книгах. Они были изданы уже после его смерти⁶ и уже не выстрелили, хотя если бы увидели свет тогда, когда были написаны, в 1960-е гг., это были бы бомбы.

КГ: А чем, собственно, Вы занимались (курсовые, дипломная работа), кто был Ваш научный руководитель?

БК: На 2-м курсе я писал работу о петровской гвардии. Официально моим руководителем была Любовь Константиновна Ермолаева. Но, честно говоря, я сам собой занимался, ходил по библиотекам, читал, пытался что-то придумать. Например, я завел себе картотеку офицеров Семеновского и Преображенского полков, смотрел динамику, и к каким-то выводам для себя я приходил. А затем я решил сменить тему, заниматься всеобщей историей. И поскольку я знал английский язык, то остановился на Английской революции, пошел к Генриху Рувимовичу Левину, он как раз специализировался на этом. Генрих Рувимович очень добро ко мне относился, но научная кооперация у нас не очень сложилась. Он мне дал тему «Советская историография Английской революции». Сейчас я понимаю, что давать студенту писать об историографии — это не есть хорошо. Я кучу времени убил, диплом написал, свою пятерку получил, но работа, конечно, была очень посредственной.

РШ: А в годы учебы в институте Вас Российская революция не привлекала?

6 См.: Алексеев В. М. 1) Венгрия, 56, прорыв цепи. М., 1996; 2) Варшавского гетто больше не существует. М., 1998; 3) Варшавское восстание: Варшава в борьбе против гитлеровских захватчиков: 1939–1945. СПб., 1999.

БК: Ну, мне было интересно, наряду с другими темами. Но читали ее скучно очень.

РШ: Если немного отвлекаться от непосредственно учебных дел, то что составляло Ваш досуг в студенческие годы, как Ваша повседневность была организована?

БК: Во-первых, я очень много учился, это правда. Сейчас я понимаю, что слишком много учился не тому, чему следовало, — надо было, в частности, вкладываться в иностранные языки... Во-вторых, я продолжал участвовать во Фрунзенской коммуне, с 9 класса и все институтские годы. Часть нашей компании пошла работать в 308-ю математическую школу, и я вместе с ними был там кем-то вроде волонтера-пионервожатого. И каждое лето, а иногда и на зимние каникулы я ездил с ними куда-то. Это тоже съедало значительную часть моего времени.

РШ: Вы закончили институт Герцена в 1976 г. Как Вы оказались в армии, если планировали идти в аспирантуру?

БК: После института я готов был честно идти в школу. Я был готов на любое распределение, но только не в сельскую школу. Почему я не хотел в сельскую школу? Потому что в сельской школе учителей не брали в армию. Соответственно, я должен был 3 года отработать там, потом оттуда призываться в Советскую армию. И это еще год. И раз я призываюсь в провинции, вернуться в Ленинград потом довольно сложно. Но несмотря на то, что я был ленинский стипендиат, окончил вуз с красным дипломом, в Ленинград меня не распределили... И я решил спрямить путь — пошел в армию добровольцем.

Я служил в мотострелковом полку в Заполярье, это был самый северный полк Советской армии: севернее нас только моряки и пограничники. Это был, конечно, отчасти травматический опыт. В полк набирали со всего Советского Союза, вместе со мной служило довольно много азербайджанцев, армян, ребят из Средней Азии и прочее. Но вместе с тем это было и очень интересно. Опыт выживания в довольно жестком и полиэтническом сообществе впоследствии пригодился мне при размышлении об истории 1917 г.

Но служба в армии повлияла на мое восприятие истории революции и по другой причине — это подтолкнуло меня к теме символов и ритуалов. Я открыл для себя тартускую школу.

С некоторыми текстами, благодаря моему другу, филологу Михаилу Владимировичу Безродному, я познакомился, еще будучи студентом Герценовского института, но они тогда не произвели на меня сильного впечатления. А уже в армии, как-то размышляя, вспоминая тексты Лотмана о повседневности декабристов, я подумал: «Может быть, старик Лотман был прав...» Без службы в армии к теме символов и ритуалов я бы не подошел и книгу «Символы власти...» не написал.

КГ: Вы вернулись из армии в 1977 г. Где Вы работали?

БК: После армии я устроился в Публичную библиотеку, в Информационно-библиографический отдел. Там я чувствовал, что попал в рай — после армии, Господи, читать можно то, сё, пятое, десятое... И многое было в открытом доступе. Например, «Энциклопедический словарь» Гранат, «Деятели Октябрьской революции»⁷. Смотри не хочу! И чуть позже меня взяли в Институт культуры, сначала почасовиком, потом совместителем. Там я преподавал довольно долго.

Когда я устроился в Публичную библиотеку, я познакомился с некоторыми важными людьми. В первую очередь, это Виктор Ефимович Кельнер, который работал там же. Изначально он специализировался на рабочем движении в Англии, написал диссертацию о Томе Манне⁸, а к моменту нашего знакомства занимался политической книгой. И на почве общего интереса (я тоже вскоре стал заниматься печатью в 1917 г.) мы начали делать вместе с Виктором Ефимовичем картотеку, которая, после того как он перешел на другие темы, досталась мне. Сейчас там, наверное, несколько тысяч карточек.

Затем, оказавшись в Публичной библиотеке, я попал в несколько сетей чтения литературы. Время «застоя» было временем интенсивного чтения. У людей эпохи «застоя» было время долго, хорошо, со вкусом и азартно читать. И, с одной стороны, закручивались гайки, но, с другой, находилось очень много возможностей достать разную литературу, в том числе сам- и тамиздат. И тему 1917 г. я выбрал отчасти

7 Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. М., [192-]. Прил. 3. Деятели СССР и Октябрьской революции.

8 Кельнер В. Е. Жизнь и революционная деятельность Тома Манна, 1856–1941: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.

под влиянием такого чтения, в частности чтения сборников «Память» и «Минувшее», издававшихся Рогинским и Аллоем соответственно. Для меня тогда это был идеал работы историка: хорошие публикации источников, с подробными комментариями, которые иногда превращались в отдельное микроисследование. Классно! Я понял, что о революции можно писать очень интересно и ярко. Одновременно я и советскую историографию начал изучать, — и понял, что и в ней, если знать, где читать и как читать, можно вычитать много интересного.

Это чтение было для меня очень и очень значимо. Понимаете, переход на новую тему был психологически непростым, потому что для многих тогдашних интеллигентов эта тема была не очень интересна, не очень почетна и даже сомнительна.

КГ: Почему?

БК: Потому что одни говорили: «Это все партийная линия, что тут можно сказать? Это так заидеологизировано, закрыто, и сказать нечего». Другие говорили проще: «Ты подлаживаешься, выбирая такую тему, проявляешь оппортунизм». Третьи говорили: «А что тут можно нового найти? Все давно уже известно, все всё знают». На самом деле, такая иллюзия всеобщего знания была связана с тем, что везде читались курсы истории КПСС, и все думали, что знают, что было «на самом деле». Проще говоря, Российская революция была неджентльменской темой для моего поколения, на нее многие смотрели не без презрения.

РШ: Какие темы в таком случае были джентльменскими?

БК: Декабристы, в первую очередь. Народники ничего еще.

РШ: А это не считалось такой партийной линией, потому что народники же тоже?..

БК: Народники, в известной степени, предтечи эсеров — это нормально, это ничего, они за свободу. Хотя народники не так популярны, как декабристы, — в мое время куча народу занималась декабристами, это было поветрие. Этому способствовал ряд обстоятельств: Лотман, Эйдельман, Окуджава, пушкинский миф, миф 1812 г. — всё вместе.

РШ: А Английской революцией Вы больше не думали заниматься?

БК: В Публичной библиотеке можно было заниматься Английской революцией, потому что там хранится фантастическое собрание памфлетов. Их довольно сложно найти — если

ты не знаком и не пользуешься уважением библиотекаря, ответственного за хранение, то черта с два найдешь, в каталогах многое не отражено. Я там поклевал какие-то памфлеты Английской революции, но со временем я стал все менее испытывать к этому интерес, меня потянуло на что-то другое. Так я и занялся темой Российской революции.

КГ: И Вы нашли важное понятие для Вас, важную рамку. В 1983 г. вышли печатные списки литературы, и Вы подготовили список «Политическая культура»⁹.

БК: Да.

КГ: Один из первых Ваших печатных текстов.

БК: Первый печатный текст.

КГ: Откуда возникла политическая культура?

БК: Тут несколько линий. Популяризации этого понятия в советское время способствовали два человека. Один — это Александр Абрамович Галкин, книжка которого «Германский фашизм» попала мне в руки¹⁰. А второй — Федор Михайлович Бурлацкий, спичрайтер для разных партийных начальников, то есть такой ЦКовский человек. Ну и, видимо, «бензин ваш, идеи наши», я уж не знаю, как они сотрудничали, — но именно они вводили это понятие, и доводились до того, что даже Брежнев в какой-то речи упомянул «политическую культуру». Откопали также, что и Ленин однажды использовал «политическая культура», не вкладывая в это какой-то особый смысл, — и это тоже легитимировало введение понятия.

А другая линия — мой жизненный опыт этому соответствовал. Я в 1979 г. первый раз в жизни поехал за границу. Я был по «Спутнику» (это такой молодежный обмен) в Польше. И хотя я был подготовлен, — в том числе лекциями Валентина Михайловича Алексеева, дополнительным чтением, и даже польский язык подучил немножко перед поездкой на уровне какого-то разговорника, — но для меня это был большой культурный шок. Потом я был в Венгрии, там тоже интересно было, но шок поменьше. И вроде бы одна социалистическая страна, другая социалистическая страна,

9 Политическая культура / сост. Б. И. Колоницкий // Вопросы политической организации и политической культуры советского общества: списки литературы. Л., 1983. С. 153–179.

10 Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967.

третья соцстрана, везде соцстраны, везде компартии, везде политическая система очень похожая, одинаковая, а жизнь совершенно разная. Разница между формальными государственно-политическими институтами и реальным политическим устройством — мне эта мысль показалась очень важной.

КГ: А Алмонда и Вербу Вы тогда не читали?

БК: Алмонда и Вербу я тогда не читал.

КГ: То есть своим умом...

БК: Нет-нет, чужим умом, потому что я по Галкину и Бурлацкому, через них я прошел. Ну и, понимаете... Ну, в общем, мысль о том, что формальное единство — оно такое, кажущееся. Культурные факторы важны в политике. К этому я прибил.

КГ: 1983-й — год первой публикации, и это же год поступления в аспирантуру.

БК: Да.

КГ: Вам 28 лет. Позднее поступление, по советским меркам. С чем это было связано?

БК: В советское время в принципе было сложно поступить в аспирантуру... К тому же я не был членом партии. Но мне повезло. Как было сказано, я тогда работал в Институте культуры, и вроде им понравилось, как я работаю, и они были связаны с Институтом истории. В Институте истории я тоже к этому времени кого-то уже знал, в первую очередь, наверное, Рафаила Шоломовича Ганелина. После меня познакомили с Геннадием Леонтьевичем Соболевым, он на меня посмотрел, расспросил, чем и как я занимаюсь, и решил взять, за что я ему очень благодарен, потому что я пришел с улицы, без каких-либо особых заслуг. И так соединенными усилиями разных групп людей, которые мне симпатизировали, меня направили целевиком в аспирантуру. Конечно, все произошло не сразу и не без проблем, но когда уж я был целевик, то нужно было просто хорошо сдать вступительные экзамены. Экзамены я сдал хорошо, и моя мечта сбылась... В том же году я женился, и я был счастлив!

КГ: А как складывалась Ваша работа с Геннадием Леонтьевичем Соболевым? Консультации, семинары, что это было?

БК: Он читал мои тексты.

КГ: И правил?

БК: Читал, правил и ругал он довольно жестко. Помню, одну мою статью он жестко правил. Но ничего. Это была большая школа. А вторая большая школа — участие в обсуждении рукописи книги «Питерские рабочие и Великий Октябрь», которую тогда готовили в Институте истории¹¹. Я присутствовал при обсуждении, должен был высказываться, — и я высказывался. Можно было делать это откровенно: я, к примеру, на Виталия Ивановича Старцева наезжал, он только ухмылялся, а Соболев меня дергал немножко за фалды. Но это не мешало Старцеву очень хорошо ко мне относиться.

В Институте истории тогда был очень хороший состав. Это, во-первых, Виталий Иванович Старцев, Олег Николаевич Знаменский, Геннадий Леонтьевич Соболев. Во-вторых, это исследователи тогда еще «среднего веса»: Николай Николаевич Смирнов, тогда уже кандидат наук, работал над книжкой о III съезде Советов¹²; Виктория Марковна Кручковская, которая писала книгу про Городскую думу¹³; и Владимир Юрьевич Черняев, которого коллективно заставили написать и защитить диссертацию¹⁴, мой большой старший товарищ, я очень рад, что мы с ним по сей день общаемся. Наконец, младшее поколение, аспиранты разных курсов, в том числе Елена Юрьевна Дубровская и Павел Константинович Корнаков, диссертация которого произвела на меня огромное впечатление¹⁵.

РШ: Из чего состояла учеба в аспирантуре? Вы же очно учились?

БК: Да, это была очная аспирантура. Я получал стипендию, где-то около 100 руб., приходил в присутственные дни в Институт истории (вторник и четверг с 2-х часов), участвовал в различных университетских мероприятиях (ученые советы, диссертационные защиты и т. п.) и ходил на методологический семинар, который вел Валентин Семенович Дякин. Это было очень полезно.

11 Питерские рабочие и Великий Октябрь / отв. ред. О. Н. Знаменский. Л., 1987.

12 Смирнов Н. Н. III Всероссийский съезд Советов: история созыва и работы. Л., 1988.

13 Кручковская В. М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986.

14 Черняев В. Ю. Июньский политический кризис 1917 года в России: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

15 Корнаков П. К. 1917 год в отражении вексиллологических источников: по материалам Петрограда и действующей армии: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

РШ: Из чего он состоял?

БК: Изначально это было задумано как способ политического влияния на научную интеллигенцию. Но не место красит человека, а человек место. Валентин Семенович приглашал очень интересных людей, то есть в рамках возможного старался рационализировать эту идеологическую процедуру. Ну, и в ходе аспирантуры, естественно, был график представления работ. И это к разговору о плюсах позднего поступления в аспирантуру. Дело в том, что уже у меня был некоторый задел, уже были картотеки какие-то, выступления на конференциях и даже публикации¹⁶.

КГ: Вы защитили кандидатскую диссертацию в 1987 г.¹⁷ Как Вы ее оцениваете сегодня? Что сохраняет актуальность, а что Вы сделали бы по-другому, если бы ее сейчас переписать?

БК: Я считаю, без ложной скромности, что она сохраняет свое значение. В первую очередь — из-за фактографии, там есть таблицы, таблицы остаются таблицами. А сам текст, хотя отчасти и выражен в статьях, а где-то я потом пошел дальше, также сохраняет актуальность. Люди порой цитируют, и именно диссертацию. То есть надо не полениться пойти или в московскую РГБ, или в Институт истории, взять эту томину. Это нетривиально. Я бы сказал, что с незначительными изменениями, но довольно быстро можно ее издать в виде книги.

КГ: Вы во время учебы в аспирантуре продолжали вести занятия в Институте культуры?

БК: Да. Я учился в очной аспирантуре, работал в Институте культуры и читал лекции в обществе «Знание». У меня в 1984 г. родился сын, в 1986-м дочка, и как раз началась перестройка, нужно было вертеться.

РШ: Мы пришли в перестройку. Перестройка — один из факторов, который повлиял на Ваше профессиональное становление. В каком ключе?

БК: Ну, конечно, я, как все, читал, следил. Я не могу сказать, что я был активным участником перестройки, несмотря

16 Колоницкий Б. И. Борьба за печатный станок в марте — октябре 1917 года // Русская демократическая книга: книжное дело Петербурга-Петрограда-Ленинграда: сб. науч. тр. Л., 1983. С. 64-72.

17 Колоницкий Б. И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение (март-октябрь 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

на свою политизированность. Но, как я уже сказал, у меня в это время было двое маленьких детей, и нужно было тратить время на них и зарабатывать деньги для них, это занимало много времени. Хотя появились новые способы зарабатывать деньги. Например, я стал иногда выступать в прессе. В «Смене» появилось мое интервью¹⁸.

КГ: Как возникла идея опубликоваться в «Смене»?

БК: Я ужасно разозлился статьей про Учредительное собрание, опубликованной накануне в «Смене». И тогда в перестройку стали появляться разные клубы, в которых обсуждались разные насущные проблемы, и я так подружился с социологами Виктором Воронковым, Анной Темкиной, Еленой Здравомысловой, Олегом Вите, они тогда работали в Институте социологии. С Олегом мы дружили, и когда я прочитал статью, то позвонил ему: «Олег, надо, наверное, реагировать». Он отвечает: «А ты поезжай к Сергею Балуеву, замредактора “Смены”, и скажи». Я созвонился и поехал. Когда он начал спрашивать, а я отвечать, он так оживился, и он сказал: «Так, подождите, давайте это запишем». Они записали, и на целый подвал газеты, с фотографией. И потом меня приглашали на разные заседания семинаров, где участвовали и какие-то журналисты. Иными словами, перестройка была для меня временем, когда если я хотел что-то опубликовать в газете — я мог это сделать. За это платили, но не это было главной мотивацией. Главное — это высказаться.

РШ: С какими еще изданиями Вы сотрудничали?

БК: Дольше всех я сотрудничал с газетой «Дело». Это было замечательное интеллигентское предприятие. Редакторы очень ласково правили мой ужасный академический стиль, даже скорее псевдоакадемический. И так я учился писать более раскованно, а помимо этого, писание для газет дисциплинирует, потому что ты должен сдать текст в такой-то час и такого-то объема, столько-то строчек. Так что это был хороший опыт.

Перестройка, конечно, была очень важна и в другом отношении. Я осознал, что мы, историки революции, явно недооценили национальное, имперское измерение революции. И пере-

18 Колоницкий Б. И. Был ли Ленин Сатаной? / беседу вел С. Балуев // Смена. 1991. № 47/48 (27 февр.). С. 3.

стройка показала, я это прочувствовал собственной кожей, что то, чему мы традиционно уделяли внимание, — программы, пропаганда, агитация — это все, конечно, очень важно, но политика входит в жизнь людей и многими другими разными способами, в том числе — через символику, через ритуалы, через политизацию повседневной жизни.

РШ: Как перестройка и вообще изменения 1980–1990-х гг. сказались на Вашей академической карьере?

БК: Помимо того что я уже назвал, важное место в моей биографии занимают международные коллоквиумы. Первый коллоквиум проходил в Ленинграде в июне 1990 г. Я там никакой большой роли не играл, но мне было поручено сидеть и конспектировать выступления. Мы с Еленой Юрьевной Дубровской тщательным образом конспектировали и потом помогали редактировать записи при подготовке к печати. Отвечал за все это Валентин Семенович Дякин¹⁹.

РШ: Вы упоминали в другом интервью, что доклад Ричарда Уортмана на Вас повлиял.

БК: Среди прочего... Я подумал, что это можно приладить к другим сюжетам, в частности к Керенскому. Это один из первых случаев был, как я подумал об этом. Что-то мне подсказывали источники, но методологически это было интересно.

РШ: А Вы тогда уже думали заниматься Керенским?

БК: Ну, было несколько толчков заняться Керенским. Один — яркий источник, взятый из газет 1917 г. Это знаменитое письмо коллектива Московского художественного театра за подписями Немировича-Данченко, Станиславского и многих других²⁰. Я совершенно поразились их подбору слов, риторике. Я не предполагал, что в 1917 г. был такой политический язык восхваления вождя, — мне казалось, что он появился в конце 1920-х... Второй источник, который на меня очень повлиял, — это «дневники» Зинаиды Гиппиус (я читал их первый раз в «тамиздатовской» книге). Сначала она же сама и ее политические друзья Керенского восхваляют, возводят на пьедестал, а потом они же его обвиняют

19 Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков / отв. ред. В. С. Дякин. СПб., 1992.

20 См.: Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017. С. 245.

в том, что во всем виноват исключительно он. Такая инфантильность меня покорила. Мало того, что я прочитал ее «дневники». Я пошел в отдел рукописей Публичной библиотеки и стал смотреть фонды Мережковских и Дмитрия Философова, что привело меня к нескольким открытиям. Во-первых, оказалось, что «дневник» Зинаиды Гиппиус — это не дневник, и в основе его лежит дневник Философова. Его я впоследствии издал²¹. Используя эти находки и другие материалы, я написал о том, как менялось отношение Мережковских к Керенскому²². У меня была такая злость написать! И эта публикация вызвала известный интерес, может быть, больше у историков литературы, чем у историков.

И этот же сюжет свел меня с Ириной Дмитриевной Прохоровой, бывшей тогда редактором «Литературного обозрения». Через Михаила Владимировича Безродного мы познакомились, встретились, поговорили, ее вроде бы заинтересовала моя статья, так что она вышла и в этом журнале²³.

РШ: А если возвращаться к роли коллоквиумов?

БК: Доклад Уортмана, как я сказал, стал одним из толчков, но у меня сперва родилась другая идея. Мне так понравился коллоквиум, что я предложил организовать другой, посвященный только революции. Владимир Юрьевич Черняев меня поддержал, мы об этом сказали Леопольду Хаймсону, и он загорелся. Коллоквиум организовали в 1993 г., я был членом организационного комитета и представил доклад «Антибуржуазная пропаганда и “антибуржуйское” сознание»²⁴. Доклад народу на этом коллоквиуме понравился: я получил несколько предложений. Одно предложение — от Алана Уайльдмена, опубликоваться в «Russian Review»²⁵. Другое — от Стива Смита: так была опубликована моя статья

21 Философов Д. В. Дневник (1917–1918) / публ., вступ. ст., коммент. Б. И. Колоницкого // Звезда. 1992. № 1. С. 189–205; № 2. С. 188–204; № 3. С. 147–166.

22 Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский и круг Мережковских (1917 год) // Петроградская интеллигенция в 1917 году: сб. ст. и материалов. М.; Л., 1990. С. 53–82.

23 Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106.

24 Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции, 1917 год в России (массы, партии, власть). СПб., 1994. С. 188–202.

25 Kolonitskii B. Antibourgeois Propaganda and Anti-«Burzhui» Consciousness in 1917 // The Russian Review. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 183–196.

о революционных именах в «Revolutionary Russia»²⁶. И третье предложение: меня пригласили на год в Кембридж, куда я поехал в 1994 г.

КГ: В каком статусе Вы поехали в Кембридж?

БК: Началось это неформально: «Приедешь?» — «Приеду, с удовольствием». Единственным способом, как он выяснил, было пригласить меня как студента. И я поехал как студент, формально в магистратуру.

КГ: Каково было учиться в Кембридже?

БК: Как правило, я был, конечно, самый старший на курсах, но поскольку это был магистерский уровень, публика была разная. А затем я мог и не ходить на занятия. Моим формальным обязательством было написать магистерскую диссертацию, — я ее написал и получил оценку. Где-то там до сих пор лежит мой магистерский диплом. Ну а на пары я ходил потому, что мне просто было интересно.

КГ: Какие занятия и преподаватели Вам особенно запомнились, повлияли на Вас?

БК: Я слушал лекции Квентина Скиннера, которые содержательно более-менее совпадали с его двухтомником, который я читал тогда же²⁷. Я подумал, что можно было бы это использовать, но применять стал позже. Непосредственное на меня повлияли лекции Тима Бленнинга по Французской революции. Они были всегда хорошо организованы: каждая лекция снабжена иллюстрациями, очень хорошие хэндауты со списками литературы и отдельными цитатами. На этом курсе я узнал о Линн Хант, Франсуа Фюре, Роберте Дарнтоне и многих других. Так что политическая культура Французской революции, как и политическая порнография, — это оттуда. Я думал: «черт возьми, сколько я источников не взял, потому что они казались мне пустыми, содержащими слухи, а не достоверную информацию»...

РШ: А чем руководствовались коллеги, приглашая Вас в Кембридж?

БК: Тогда готовилась книга о русской революции («A People's Tragedy»), и для этого неплохо было бы иметь корректуру-

26 Kolonitskii B. «Revolutionary Names»: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // *Revolutionary Russia*. 1993. Vol. 6. No. 2. P. 210–228.

27 Skinner Q. *The Foundations of Modern Political Thought*: 2 vol. Cambridge, 1978 (рус. перев.: М., 2018).

ющего читателя под боком. Ну и нам всем в итоге было интересно. Я читал то, что уже было написано. Коллеги читали то, что я написал. А потом мы сходились, обсуждали. Книга была опубликована в Лондоне в 1996 г., и меня пригласили на презентацию. Это время мы использовали для личного общения. В этом общении родилась идея книги «*Interpreting the Russian Revolution*», которая вышла в 1999 г. Она была замечена, включалась в силлабусы курсов и даже была переведена на испанский язык.

По ходу дела я написал еще статью про «демократию»²⁸. И после всего этого, в особенности после статьи «Антибуржуазная пропаганда...» в «*Russian Review*», я стал более-менее известен в каких-то кругах, меня стали приглашать на международные конференции. Так, я выступал в Японии, Индии, Соединенных Штатах. А потом на конференции в Израиле я получил предложение преподавать в Америке. Это был 1999 г.

КГ: В Урбана-Шампейн?

БК: Шампейн-Урбана, да, в Иллинойсе. И это преподавание было, наверное, еще более важным, чем опыт в Кембридже. Потому что одно дело слушать студентом, другое дело — преподавать, и это другой мир...

РШ: А какой это другой мир? Что это значит?

БК: Ну, это другая система письма, другая система преподавания, другой взгляд. Вот это было очень важно. Равно как и понимание, как работает другая страна. Мои представления об американской системе образования были основаны в огромной степени на суждениях знакомых русских эмигрантов. И они не очень высоко оценивали американскую систему. Я, в свою очередь, сказал бы, что она с российской просто не сопоставима: другие цели, другие задачи, другие ценности, что-то можно взять, но, конечно, выборочно. Ну и интересно было, потому что довольно много стереотипов об Америке, и первое впечатление такого дежавю, потому что картинки очень многие знакомы по множеству американских фильмов. Но чем дальше, тем больше понимаешь, что это страна, которая хотя кажется понятной, совершенно не понятна.

28 Kolonitskii B. «Democracy» in the Political Consciousness of the February Revolution // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. No. 1. P. 95–106.

И чем больше я бывал там, тем менее понятно для меня, как она работает. И в целом, наряду со службой в армии и перестройкой, интенсивное общение с зарубежными коллегами и студентами — один из факторов, повлиявших на мое восприятие 1917 г.

КГ: Давайте вернемся к тому, как развивались Ваши научные интересы. После защиты кандидатской диссертации, или может быть после коллоквиумов 1990 и 1993 гг. у Вас сложилось представление, чем заниматься дальше?

БК: После защиты кандидатской я искал новую тему. Мне не хотелось делать книгу из диссертации, хотелось чего-то новенького... Я пробовал одно, другое, искал себя. Ну и в какой-то момент я стал думать над темой докторской диссертации. Не то чтобы мне этого сильно хотелось, — диссертацию не очень интересно защищать... Но я знал, что этого требует карьера, что таковы правила игры.

Сначала я думал о том, чтобы продолжить заниматься политической печатью, но, может быть, взять иной хронологический период или иной географический охват, то есть расширить кандидатскую. Рафаил Шоломович Ганелин, которого я очень уважал, всячески толкал меня в этом направлении. Но мне это было не очень интересно. А когда уже была почти закончена книжка 1999 г., я понял, что взял с самого верха, и можно еще много чего нарыть. Потом я начал ходить в военно-морской архив²⁹ и убедился в том, что многие материалы еще далеко не охвачены. Я этой темой очень завелся, написал сначала книгу, а потом защитил ее как докторскую³⁰.

РШ: Как писалась книга? Обсуждалась ли она, к примеру, в отделе в Институте истории?

БК: Ну конечно, по всем правилам.

РШ: И были какие-то споры, критика?

БК: В общем, то, что я пишу, не нравится некоторым коллегам. Они считают, что я вообще-то хороший человек, в архивы хожу, тему знаю, но то, чем я занимаюсь, — это какая-то

29 РГА ВМФ. — *Примеч. ред.*

30 Колоницкий Б. И. 1) Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001 (2-е изд. — СПб., 2012); 2) Политические символы и борьба за власть в 1917 году: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002.

декоративность. Экономическая история понятна, социальная история понятна. Политическая история, самая традиционная, совсем понятна. А политическая культура — это некоторая воздушность, она лишь украшает повествование. Я же придерживаюсь другого мнения. Мне кажется, что политическая культура — одна из базовых вещей, потому что люди, как правило, принимают какую-то политическую позицию или принимают решение в отношении какой-то политической позиции, не читая «высоких» текстов, а ориентируясь на определенную символическую систему.

Некоторым коллегам, значит, не понравилось и в тот раз, при обсуждении книги. И это был хороший совет, потому что из одной книги я потом сделал три.

КГ: То есть замысел написать еще две книги — о Керенском и образах императорской семьи — родился именно тогда?

БК: Это вызревало постепенно. Когда в свое время я писал о десакрализации монархии, я сделал очень просто. Я прошелся по своей большой картотеке и нашел все, что связано с Распутиным, слухами про Распутина, про Александру Федоровну и т. д., сделал текст на основании всего этого и стал выступать с этим сюжетом на разных конференциях. Кому-то нравилось, кому-то не нравилось. Кто-то говорил, что чепуха все эти слухи про Распутина, а кому-то понравилось. Виталий Иванович Старцев, например, поддержал меня — я выступал на конференции в РГПУ им. А. И. Герцена, он тогда был завкафедрой и что-то мое опубликовал³¹.

А как-то после выступления на другой конференции ко мне подошел Борис Моисеевич Витенберг (он работал в РГИА) и посоветовал мне посмотреть дела об оскорблении членов императорской семьи. Я пошел в РГИА. И знаете, как бывает: отправляясь в архив, я в общем уже представлял себе картину и шел, чтобы украсить работу хорошими архивными ссылками. Но когда я начал смотреть дела, то выяснилось, что я это все представлял себе совсем иначе. Я-то предполагал найти бумаги про Распутина и про Александру Фе-

31 Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии: слухи и политическая порнография в годы Первой мировой войны // Поиски исторической психологии: сообщ. и тез. докл. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 21–22 мая 1997 г. Ч. 3. СПб., 1997. С. 105–108.

доровну. Про императрицу я нашел очень мало, Распутина мне удалось найти всего в одном деле. При этом в связи с Распутиным обвинялась Мария Федоровна, вдовствующая императрица, а не Александра Федоровна. И, в общем-то, с какого-то момента я понял, что материала достаточно не только для статей, но и для книги. В принципе, история обычная: написал текст, но маленький, нужно добавить еще источников, а начинаешь работать с источником — изначальный проект существенно корректируется.

РШ: А про Керенского как Вы развивали сюжет?

БК: История в целом схожая. Я сказал о публикациях 1990–1991 гг., потом это тоже была соответствующая глава в книге «Interpreting the Russian Revolution». Потом я стал развивать идеи в книге 2001 г. и в статьях. И как-то параллельно все это шло с образами императорской семьи.

РШ: Не появлялось ли у Вас еще каких-то соблазнов?

БК: Ну конечно, у меня случались порой «интеллектуальные запои», сильнее из которых — это революционные имена³² и гражданская война в Америке³³. Иногда меня тянет в сторону. Но это были два таких больших прыжка в сторону, которые в свое время отвлекли меня от каких-то важных вещей. Но я не мог остановиться...

РШ: И как же быть, бороться ли с «интеллектуальными запоями»?

БК: Нет, почему же. Что-то я нашел, что-то понял благодаря этому.

КГ: В завершение нашей беседы хотелось бы спросить о Ваших творческих планах. Что бы Вам еще хотелось написать и о чем?

БК: Ну, замыслы и планы мои Вам известны. Насущный мой замысел заключается в том, чтобы вышла коллективная монография, над которой мы работали последние два года: «Имя раздора: Политическое использование понятия “гражданская война” (1917–1918)». В настоящее время она на столе в издательстве³⁴.

32 См. сноску 26.

33 Колоницкий Б. И. Преодоление гражданской войны: случай Америки // Звезда. 2007. № 1. С. 123–143.

34 Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / под ред. Б. И. Колоницкого (отв. ред.), К. В. Годунова, А. В. Резника, К. А. Тарасова. М., 2025.

Затем мы с Вами, Константин Валерьевич, и с Константином Тарасовым должны дописать книгу об июльских днях 1914 г. В ближайшей перспективе хотелось бы сделать интересный коллективный проект о политических культах в годы революции и гражданской войны. И про Керенского хотелось бы дописать.

Еще у меня есть план сделать популярную книжку. Я написал статью для журнала «Звезда»³⁵. Отчасти она основана на курсе, который Вы, Рауф, слушали³⁶. И я бы хотел развить эту статью в книжку, потому что спрос на нее, думаю, есть. Но некогда...

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. М. Варшавского гетто больше не существует. М.: Звенья, 1998. 157 с.

Алексеев В. М. Варшавское восстание: Варшава в борьбе против гитлеровских захватчиков: 1939–1945. СПб.: Академический проект, 1999. 189 с.

Алексеев В. М. Венгрия 56, прорыв цепи. М.: Независимая газета, 1996. 277 с.

Алексеев В. М. Тридцатилетняя война: Пособие для учителей. Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1961. 183 с.

Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1967. 399 с.

Димке Д. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common Place, 2021. 284 с.

Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции, 1934–1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. 435 с.

Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / под ред. Б. И. Колоницкого (отв. ред.), К. В. Годунова, А. В. Резника, К. А. Тарасова. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 792 с.

Кельнер В. Е. Жизнь и революционная деятельность Тома Манна, 1856–1941: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. 221 с.

Колоницкий Б. И. Борьба за печатный станок в марте — октябре 1917 года // Русская демократическая книга: книжное дело Петербурга-Петрограда-Ленинграда: сб. науч. тр. Л.: [Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской], 1983. С. 64–72.

Колоницкий Б. И. Центры буржуазной печатной пропаганды в Петрограде и их крушение (март — октябрь 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 216 с.

Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский и круг Мережковских (1917 год) // Петроградская интеллигенция в 1917 году: сб. ст. и материалов / О. Н. Знаменский (отв. ред.). М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1990. С. 53–82.

Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106.

35 Колоницкий Б. И. «Управляемый хаос» и образование СССР: государство, порожденное Гражданской войной? // Звезда. 2023. № 11. С. 160–192.

36 Курс «Империи и революции», читаемый на 2-м курсе магистратуры Факультета истории ЕУСПб. — Примеч. ред.

- Колоницкий Б. И. Был ли Ленин Сатаной? / беседа вел С. Балуев // Смена. 1991. № 47/48 (27 февр.). С. 3.
- Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции, 1917 год в России (массы, партии, власть) / отв. ред. В. И. Черняев. СПб.: Глаголь, 1994. С. 188–202.
- Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии: слухи и политическая порнография в годы Первой мировой войны // Поиски исторической психологии: сообщ. и тез. докл. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 21–22 мая 1997 г. СПб.: Третья Россия, 1997. Ч. 3. С. 105–108.
- Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с.
- Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 496 с.
- Колоницкий Б. И. Преодоление гражданской войны: случай Америки // Звезда. 2007. № 1. С. 123–143.
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 511 с.
- Колоницкий Б. И. «Управляемый хаос» и образование СССР: государство, порожденное Гражданской войной? // Звезда. 2023. № 11. С. 160–192.
- Корнаков П. К. 1917 год в отражении вексиллологических источников: по материалам Петрограда и действующей армии: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 195 с.
- Кручковская В. М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 138 с.
- Питерские рабочие и Великий Октябрь / О. Н. Знаменский (отв. ред.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 486 с.
- Политическая культура / сост. Б. И. Колоницкий // Вопросы политической организации и политической культуры советского общества: списки литературы. Л.: [Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина], 1983. С. 153–179.
- Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков / отв. ред. В. С. Дякин. СПб.: Наука: С.-Петербург. отд-ние, 1992. 394 с.
- Смирнов Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва и работы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 123 с.
- Черняев В. Ю. Июньский политический кризис 1917 года в России: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 228 с.
- Kolonitskii B. «Revolutionary Names»: Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // Revolutionary Russia. 1993. Vol. 6. No. 2. P. 210–228.
- Kolonitskii B. Antibourgeois Propaganda and Anti-«Burzhui» Consciousness in 1917 // The Russian Review. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 183–196.
- Kolonitskii B. «Democracy» in the Political Consciousness of the February Revolution // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 1. P. 95–106.
- Kolonitskii B. On Studying the 1917 Revolution: Autobiographical Confessions and Historiographical Predictions / transl. by J. Neumeyer // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. No. 4. P. 751–768.
- Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought: 2 vol. Cambridge: Cambridge university press, 1978.

REFERENCES

- Alekseev V. M.* Varshavskogo getto bol'she ne sushhestvuet. Moscow: Zven'ya Publ., 1998. 157 p. In Russian.
- Alekseev V. M.* Varshavskoe vosstanie: Varshava v bor'be protiv gitlerovskih zavchikov: 1939–1945. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., 1999. 189 p. In Russian.
- Alekseev V. M.* Vengriya 56, proryv tsepi. Moscow: Nezavisimaya gaz. Publ., 1996. 277 p. In Russian.
- Alekseev V. M.* Tridentsatiletnyaya vojna: Posobie dlya uchitelej. Leningrad: Uchpedgiz. Leningr. otd-nie Publ., 1961. 183 p. In Russian.
- Galkin A. A.* Germanskij fashizm. Moscow: Nauka Publ., 1967. 399 p. In Russian.
- Dimke D.* Nezabyvaemoe budushhee: sovetskaya pedagogicheskaya utopiya 1960-h godov. Moscow: Common Place Publ., 2021. 284 p. In Russian.
- Egorov Yu. V.* Narodnyj front vo Frantsii, 1934–1938 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1973. 435 p. In Russian.
- Imya razdora: Politicheskoe ispol'zovanie ponyatiya "grazhdanskaya voyna" (1917–1918) / pod red. B. I. Kolonitskogo (otv. red.), K. V. Godunova, A. V. Reznika, K. A. Tarasova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 792 p. In Russian.*
- Kel'ner V. E.* Zhizn i revolyucionnaya deyatel'nost' Toma Manna, 1856–1941: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1977. 221 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Bor'ba za pechatnyj stanok v marte-oktyabre 1917 goda // Russkaya demokraticeskaya kniga: knizhnoe delo Peterburga–Petrograda–Leningrada: sb. nauch. tr. Leningrad: [Leningr. gos. in-t kul'tury im. N. K. Krupskoj Press], 1983. P. 64–72. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Tsentry burzhuaznoj pechatnoj propagandy v Petrograde i ih kruzhenie (mart-oktyabr' 1917 g.): dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1987. 216 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I. A. F. Kerenskij i krug Merezhkovskih (1917 god) // Petrogradskaya intelligentsiya v 1917 godu: sb. st. i materialov / O. N. Znamenskij (otv. red.). Moscow; Leningrad: In-t istorii SSSR Press, 1990. P. 53–82. In Russian.*
- Kolonitskii B. I. A. F. Kerenskij i Merezhkovskie v 1917 godu // Literaturnoe obozrenie. 1991. № 3. P. 98–106. In Russian.*
- Kolonitskii B. I.* Byli li Lenin Satanoj? / besedu vel S. Baluev // Smena. 1991. 27 fevralya. № 47/48. P. 3. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Antiburzhuaznaya propaganda i «antiburzhujское» soznanie // Anatomsiya revolyutsii, 1917 god v Rossii (massy, partii, vlast') / V. I. Chernyae (otv. red.). Saint Petersburg: Glagol' Publ., 1994. P. 188–202. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* K izucheniyu mehanizmov desakralizacii monarhii: sluhi i politicheskaya pornografiya v gody Pervoj mirovoj vojny // Poiski istoricheskoi psihologii: soobshh. i tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 21–22 maya 1997 g. Saint Petersburg: Tret'ya Rossiya Publ., 1997. Ch. 3. P. 105–108. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Simvol' vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossijskoj revolyutsii 1917 goda. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2001. 347 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Politicheskie simvol' i bor'ba za vlast' v 1917 godu: dis. ... d-ra ist. nauk. Saint Petersburg, 2002. 496 p. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* Preodolenie grazhdanskoj vojny: sluchaj Ameriki // Zvezda. 2007. № 1. P. 123–143. In Russian.
- Kolonitskii B. I.* "Tovarishh Kerenskij": Antimonarhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta "vozhdya naroda" (mart-iyun' 1917 goda). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 511 p. In Russian.

- Kolonitskii B. I.* "Upravlyaemy`j haos" i obrazovanie SSSR: gosudarstvo, porozhdennoe Grazhdanskoj vojnoj? // *Zvezda*. 2023. № 11. P. 160–192. In Russian.
- Kornakov P. K.* 1917 god v otrazhenii veksillologicheskikh istochnikov: po materialam Petrograda i deystvuyushhej armii: dis. ... kand. ist. nauk.. Leningrad, 1989. 195 p. In Russian.
- Kruchkovskaya V. M.* Tsentral`naya gorodskaya дума Petrograda v 1917 g. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Press, 1986. 138 p. In Russian.
- Piterskie rabochie i Velikij Oktyabr` / O. N. Znamenskii (otv. red.).* Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Press, 1987. 486 p. In Russian.
- Politicheskaya kul`tura / sost. B. I. Kolonitskii // Voprosy` politicheskoy organizatsii i politicheskoy kul`tury` sovetskogo obshhestva: spiski literatury`.* Leningrad: [Gos. Publ. b-ka im. M.E. Salty`kova-Shchedrina Press], 1983. P. 153–179. In Russian.
- Reformy` ili revolyutsiya? Rossiya, 1861–1917. Materialy` mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov / otv. red. V. S. Dyakin.* Saint Petersburg: Nauka: S.-Peterburg. otd-nie Press, 1992. 394 p. In Russian.
- Smirnov N. N.* Tretij Vserossiiskij s`ezd Sovetov: istoriya sozy`va i raboty`. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Press, 1988. 123 p. In Russian.
- Chernyaev V. Yu.* Iyun`skij politicheskij krizis 1917 goda v Rossii: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1986. 228 p. In Russian.
- Kolonitskii B.* "Revolutionary Names": Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // *Revolutionary Russia*. 1993. Vol. 6. No. 2. P. 210–228.
- Kolonitskii B.* Antibourgeois Propaganda and Anti-"Burzhui" Consciousness in 1917 // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 183–196.
- Kolonitskii B.* "Democracy" in the Political Consciousness of the February Revolution // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. No. 1. P. 95–106.
- Kolonitskii B.* On Studying the 1917 Revolution: Autobiographical Confessions and Historiographical Predictions / transl. by J. Neumeyer // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. No. 4. P. 751–768.
- Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought: 2 vol. Cambridge: Cambridge university press, 1978.

Статья поступила в редакцию: 20 марта 2025 г.

Рекомендована к печати: 16 июня 2025 г.

Received: March 20, 2025

Accepted: June 16, 2025